
Перри – царствующая королева
викторианского детектива.

People

Дайте Перри какое-нибудь заковыристое
убийство вкупе с постыдным
социальным казусом – и она напишет
такой викторианский детектив, которому
позавидовал бы сам Диккенс.

The New York Times

Мало кто из создателей детективов
в духе Артура Конан Дойля может так
красочно воспроизвести атмосферу
викторианского Лондона, так точно
прорисовать его детали и воссоздать
настроение той эпохи, как Перри.

San Francisco Chronicle

Если вы купили очередную историю
от Энн Перри, вы можете смело
рассчитывать на то, что она будет
превосходна.

The San Diego Union Tribune

Серия о Шарлотте и Томасе Питтах

Призрак с Кейтер-стрит
Находка на Калландер-сквер
Туман над Парагон-уок
Воскрешение на Ресуррекшн-роу
Вор с Рутленд-плейс
Утопленник из Блюгейт-филдс
Смерть в Поместье Дьявола
Натюрморт из Кардингтон-кресент
Тишина в Хановер-клоуз
Казнь на Вестминстерском мосту
Пожар на Хайгейт-райз
Скандал на Белгрейв-сквер
Невидимка с Фэрриерс-лейн
Палач из Гайд-парка
Врата изменников
Душитель из Пентекост-элли
Бомба в Эшворд-холле
Реквием в Брансвик-гарденс
Покойник с площади Бедфорд
Улица Полумесяца
Заговор в Уайтчепеле
Медиум с Саутгемптон-роу
Трущобы Севен-Дайлз

Серия об инспекторе Монке

Чужое лицо
Опасная скорбь
Предательство по любви
Смерть внезапна и страшна
Грехи волка
Брат мой Каин
Смертная чаша весов
Безмолвный крик

ЭНН ПЕРРИ

ТРУЦОБЫ
СЕВЕН-ДАЙЛЗ

МОСКВА
2019

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
П27

Anne Perry
SEVEN DIALS

Copyright © 2003 by Anne Perry

Перри, Энн.
П27 Трещобы Севен-Дайлз / Энн Перри ; [перевод с английского А. В. Бушуева, Т. С. Бушуевой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 416 с. — (Любимый детектив английской королевы).

ISBN 978-5-04-105285-0

В поместье Иден-лодж в садовой тачке найден труп начинающего дипломата. Все указывает на то, что убийца – обитательница поместья, загадочная красотка-египтянка Аеша Захари. А соучастник – ее любовник, всесильный министр Ее Величества. Высшая власть требует от Томаса Питта во что бы то ни стало очистить имя министра от подозрений – тем более что дело, похоже, касается колониальных интересов Британской империи. В поисках разгадки Питт вынужден отправиться в далекий Египет. Тем временем его жена Шарлотта берется за собственное расследование, углубляясь в жуткие трещобы в самом сердце Лондона...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Бушуев А. В., Бушуева Т. С.,
перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-105285-0

Глава 1

Питт открыл глаза, но стук не прекратился.

Сквозь шторы внутрь спальни заглядывали первые проблески серого сентябрьского дня. Еще не было даже шести утра, но кто-то уже стучал в переднюю дверь. Спавшая рядом с ним Шарлотта слегка пошевелилась во сне. Еще немного — и стук разбудит и ее тоже.

Выскользнув из постели, он быстро пересек спальню и вышел на лестничную площадку. Здесь он босиком сбежал вниз по ступенькам, схватил с крючка в коридоре пальто и, сунув в рукав лишь одну руку, открыл дверь.

— Доброе утро, сэр, — с виноватым видом произнес Джесмонд. Одна его рука застыла в воздухе, готовая вновь постучать в дверь. Джесмонду было года двадцать четыре. Его недавно прислали в Особую службу из одного из лондонских полицейских участков, и он считал это важным повышением по службе. — Простите, сэр, — добавил он, — но мистер Наррэуэй хочет видеть вас прямо сейчас.

Питт увидел у него за спиной стоящую на дороге двуколку. Лошадь пританцовывала на месте, над ее головой повисло облачко пара.

— Ну хорошо, — раздраженно произнес Питт. Дело, которое он в данный момент расследовал, было ему неинтересно, но само расследование двигалось к концу. Оставалось выяснить лишь пару второстепенных дета-

лей. Не хотелось бы отвлекаться на что-то еще. — Входите! — Он жестом указал на ведущий в кухню коридор. — Если вы знаете, как это делается, можете разжечь плиту и поставить чайник.

— Прошу прощения, сэр, но у меня нет времени, — хмуро произнес Джесмонд. — Не могу сказать вам, в чем дело, но мистер Наррэуэй велел сразу возвращаться к нему.

Сказав это, он даже не сдвинулся с места. Ноги его как будто приросли к тротуару, в надежде на то, что Питт, заметив это, поторопится.

Питт вздохнул, отступил назад и закрыл дверь, чтобы не впускать в дом сырой и стылый утренний воздух. Затем поднялся наверх и сбросил пальто. К тому времени, когда он вернулся в спальню и налил в тазик для умывания из кувшина воду, Шарлотта уже сидела в постели и пыталась смахнуть с глаз тяжелую волну волос.

— Что такое? — спросила она, хотя после десяти лет брака — сначала во время его службы в полиции и последние месяцы в Особой службе — она сама все прекрасно знала. Она начала вставать с постели.

— Не надо, — остановил ее Питт. — Нет необходимости.

— Давай я хотя бы сделаю тебе чашку чая, — ответила она, пропустив мимо ушей его слова, и опустила ноги на коврик возле кровати. — И горячую воду для бритвы. Это займет всего минут двадцать, не больше.

Он поставил кувшин и, подойдя к ней, нежно обнял.

— Будь у меня время, я бы поручил это констеблю. Но времени у меня нет. Так что ложись в постель и спи... под теплым одеялом. — Его руки скользнули вокруг ее талии. Крепко прижав Шарлотту к себе, он поцеловал ее. Затем, поцеловав ее еще раз, он разомкнул объятия и, вернувшись к тазу с холодной водой, умылся и начал одеваться. Еще пара минут, и он был готов явиться пред очи Виктора Наррэуэя. Последний, насколько ему было

известно, возглавлял секретную службу огромной империи королевы Виктории. Стоял ли кто-то еще над ним — этого Питт не знал.

На улице жизнь только-только пробуждалась. Для кухарок и горничных было еще слишком рано, а вот прочая прислуга была уже на ногах — тащили уголь и съестные припасы — рыбу, овощи, фрукты, птицу. Двери домов были распахнуты, кухни ярко освещены. Небо тоже постепенно светлело.

Питт жил на Кеппел-стрит. Это была скромная, однако вполне уважаемая часть Блумсбери. Отсюда было недалеко до неприметного здания, в котором на данный момент располагалась служба Наррэуэя. Однако когда Питт вошел туда и поднялся по лестнице, было уже светло. Джесмонд остался внизу. По всей видимости, данное ему поручение он выполнил.

Наррэуэй сидел в огромном кресле, которое он, похоже, возил за собой из одного дома в другой. Худой, жилистый, ростом дюйма на три ниже Питта. Его густые, темные волосы уже тронула на висках седина. Глаза были такие темные, что казались черными. Он не стал извиняться перед Питтом за то, что вытащил его из постели, как то наверняка сделал бы Корнуоллис, бывший начальник Питта в полиции.

— В Иден-Лодж произошло убийство, — негромко, но четко произнес он. — Оно бы нас не касалось, не будь убитый младшим дипломатом, хотя и без каких-либо заслуг. Он был застрелен в саду египтянки, любовницы члена кабинета министров, и, похоже, министр этот имел несчастье также находиться там на момент убийства. — Наррэуэй умолк и в упор посмотрел на Питта. Тот вздохнул.

— И кто застрелил его? — спросил он.

Наррэуэй продолжал в упор смотреть на него.

— Я и хочу, чтобы вы это выяснили, но пока похоже, что мистер Райерсон причастен. Полиция не нашла

в доме кого-то еще — не считая обычной домашней прислуги, но и они уже все спали. Гораздо хуже другое. Когда полиция прибыла на место, женщина пыталась избавиться от тела.

— Некрасивая история, — сухо согласился Питт. — Но что можем сделать здесь мы? Если его застрелила эта египтянка, дипломатическая неприкосновенность не распространяется на случаи убийства, не так ли? Мы никак не можем на это повлиять.

Питт хотел добавить, что не имеет ни малейшего желания покрывать тот факт, что при убийстве присутствовал член кабинета министров, однако очень опасался, что именно это и намерен поручить ему Наррэуэй — то ли чтобы уберечь доброе имя правительства, то ли чтобы не ставить под угрозу некие важные дипломатические переговоры. Питт терпеть не мог некоторые аспекты службы в Особой службе, но после происшествия в Уайт-чепеле выбора у него не было.

Тогда его сняли с поста главы полицейского участка на Боу-стрит, и он был вынужден согласиться с назначением в Особую службу. Тем самым он уберег себя от преследования, которое не заставило бы себя ждать, после того как он разоблачил козни «Узкого круга» и их преступления. Новое назначение было единственным открытым для него поприщем, где он мог найти применение своим умениям, а также прокормить себя и семью.

Наррэуэй едва заметно улыбнулся — этакое признание некой иронии.

— Подите и выясните, Питт. Ее отвезли в участок на Эджвуотер-роуд. Убийство произошло в доме на Коннат-Сквер. Кто-то явно тратит на его содержание немалые деньги.

Питт стиснул зубы.

— Мистер Райерсон, сдается мне, если она его любовница. Надеюсь, вы сказали это не просто так?

Наррэуэй вздохнул.

— Подите и выясните, Питт. Прежде чем что-то предпринимать, нам нужно знать правду. Довольно домыслов и суждений. Идите и делайте свою работу.

— Да, сэр, — ответил Питт довольно резко и, на миг выпрямившись в струнку, развернулся и вышел вон. Сунув руки в карманы так, что ворот пальто поехал вверх, он зашагал по улице на запад, в направлении Гайд-парка и Эджвер-роуд, рассчитывая при первой же возможности взять извозчика.

Теперь улицы сделались заметно многолюднее, движение транспорта оживилось. Он прошел мимо мальчишки-газетчика, уже вовсю торговавшего утренними газетами. Заголовки кричали об угрозе забастовки на ткацких фабриках Манчестера. Проблема эта возникла не сегодня и, похоже, с каждым днем лишь усугублялась. Производство хлопчатобумажных тканей было главной отраслью Западного Мидленда. Прядильные и ткацкие фабрики давали работу и заработок десяткам тысяч людей. Хлопок-сырец привозили из Египта, ткали из него ткани, красили и превращали в готовые изделия, которые затем продавались по всему миру. Урон от забастовки был бы катастрофическим.

На углу улицы стояла женщина и продавала горячий кофе. Погода была тихой и безветренной, небо усеяно редкими рваными облаками. Однако Питт так продрог, что был бы рад глотку горячего напитка. А вот про завтрак, похоже, можно забыть. Питт остановился.

— Доброе утро, сэр, — приветливо сказала она и улыбнулась щербатым ртом, в котором не хватало пары зубов. — Какой ясный денек! Только малость прохладный. Как насчет чашечки горячего кофейку, чтобы согреться?

— Да, было бы весьма кстати.

— Два пенса, сэр.

Она протянула старческую узловатую руку с потемневшими от кофейных бобов пальцами.

Питт дал ей деньги и взял у нее чашку горячего кофе. Стоя посреди тротуара, он пил кофе небольшими глотками, а сам думал о том, с какого бока ему начать разговор с полицейскими, когда он придет в участок на Эджуотер-роуд. Они вряд ли обрадуются его вмешательству, даже если случай окажется весьма некрасивым и они были бы только рады спихнуть вину на кого-то еще. Он отлично помнил собственное настроение, когда возглавлял участок на Боу-стрит. Сложные или легкие, он предпочитал расследовать случаи сам, независимо от мнения начальства, которое всегда хуже его знало район, хуже его знало улики, которое даже не встречалось с теми, кто так или иначе был причастен к делу, не говоря уже о том, чтобы допрашивать этих людей. Начальство не ведало, где они живут, кого любят, кого боятся, кого ненавидят.

Дела, которые он до сих пор вел для Особой службы, в целом носили превентивный характер: он выявлял подстрекателей и зачинщиков беспорядков, призывавших бездомных, голодных и нищих к бунту. Иногда ему поручали выявить анархиста или потенциального бомбиста. Первоначально Особую службу учредили для борьбы с ирландской проблемой, и, надо сказать, эта цель была до известной степени достигнута. По крайней мере, властям удавалось держать вспышки насилия под контролем. Теперь же перед ним была поставлена более широкая задача — борьба с любой внутренней опасностью, угрожавшей порядку в стране. Так что грехопадение крупной правительственной фигуры наверняка попадает в эту категорию.

Допив кофе, Питт вернул кружку женщине и, поблагодарив ее, зашагал дальше. Увидев, что на перекрестке остановился свободный кеб, он преодолел последние несколько ярдов бегом и окликнул извозчика.

В полицейском участке на Эджуотер-роуд расследование убийства было поручено инспектору Талботу. Тот принял Питта у себя в кабинете и даже не собирался

скрывать свое раздражение. Это был человек среднего роста, тощий как щепка, с печальными, слегка поблекшими голубыми глазами. Встав из-за стола, заваленного написанными аккуратным почерком отчетами, он вопросительно посмотрел на Питта, ожидая, что тот ему скажет.

— Томас Питт из Особой службы, — представился Питт и для пущей убедительности показал служебное удостоверение.

Лицо Талбота мгновенно напряглось, тем не менее он жестом предложил Питту присесть на один из жестких, с прямой спинкой стульев.

— Это чистый случай, — без тени сомнения заявил он. — Улики говорят сами за себя. Прибыв на место преступления, полиция застала женщину за попыткой переместить тело. Выстрел был произведен из ее пистолета, который лежал в тачке рядом с телом. Не знаю, кого мы должны благодарить, но мы застучали ее с поличным. — Талбот с вызовом посмотрел на Питта, как будто хотел убедиться, осмелится ли тот возражать ему.

— И кто же этот честный человек? — спросил Питт, чувствуя в животе неприятный холодок, верный признак безнадежности. Да, похоже, случай простой, рядовой, некрасивый, и, как сказал Талбот, от этого никуда не деться.

— Не знаю, — ответил Талбот. — Говорят, что кто-то якобы услышал выстрелы и поднял тревогу.

— Это каким же образом? — уточнил Питт. Внезапно в нем шевельнулось любопытство.

— По телефону, — ответил Талбот, мгновенно поняв его намек. — Это несколько сужает поиск, не так ли? Предвосхищая ваш вопрос, скажу, нет, мы не знаем, кто это. Не могу сообщить никаких имен, лишь то, что звонивший был взволнован и говорил хрипло, срывающимся голосом. Телефонистка даже не поняла, кто это, мужчина или женщина.

— Звонивший должен был находиться близко, если он точно знал, что это выстрелы, — мгновенно сделал вывод

Питт. — В скольких домах в ста ярдах от Иден-Лодж имеются телефоны?

Талбот недовольно скривил губы.

— Не так уж и мало. В радиусе ста пятидесяти ярдов пятнадцать, если не двадцать. Это весьма благопристойный район. Люди здесь состоятельные. Мы попытаемся это выяснить, но тот факт, что звонивший или звонившая не назвал себя, говорит о его нежелании быть причастным к этому случаю. — Он пожал плечами. — А жаль. Возможно, он что-то видел, хотя лично склонен думать, что вряд ли. Тело нашли в саду, скрытое кустарником. Листва все еще на деревьях, только-только начинает желтеть. Ближе к земле лавр и разные вечнозеленые растения.

— Тем не менее вы нашли тело сразу, — заметил Питт.

— Его трудно было не заметить, — печально ответил Талбот. — Она стояла там в длинном белом платье. Тело убитого лежало перед ней, перекинутое поперек тачки. Было похоже, что она, услышав шаги полицейских, отпустила ручки.

Питт попытался представить себе эту картину. Темнота ночного сада, густая листва, сырая земля, женщина в вечернем платье, лежащий поперек тачки труп.

— Боюсь, для вас здесь ничего нет, — вторгся в его мысли Талбот.

— Возможно. — Питт не желал так просто сдавать позиции. — Вы что-то сказали про пистолет...

— Да, она призналась, что это ее пистолет. Ей хватило здравого смысла этого не отрицать. Красивая вещица, с гравировкой на рукоятке. Был еще теплый и пах порохом. Ни малейшего сомнения, что выстрел произведен из него.

— А не мог это быть несчастный случай? — на всякий случай уточнил Питт.

Талбот хмыкнул.

— Ярдов с двадцати, может быть, и да. Но его застрелили с расстояния в несколько футов. И что, скажите, де-

лать женщине в саду в три часа утра? Для этого должна иметься причина.

— Он был застрелен на улице? — поспешил уточнить Питт. Что, если предположения неверны?

Губы Талбота скривились в едва заметной улыбке.

— Либо да, либо потом он какое-то время еще там лежал. На земле пятна крови. — Его лицо вновь приняло каменное выражение. Бледно-голубые глаза буравили Питта. — Это требует дополнительного объяснения?

Питт промолчал. Ради чего Наррэуэй прислал его сюда? Если любовница Райерсона застрелила этого человека, Особой службе нет никаких причин ее защищать и уж тем более лгать по этому поводу.

— Кто он такой? — наконец спросил он.

Талбот прислонился к стене.

— Я ждал от вас этого вопроса. Эдвин Ловат, бывший армейский офицер и второстепенный дипломат с безукоризненным послужным списком. И до прошлой ночи с хорошими видами на дальнейшую карьеру. Хорошая семья, никаких врагов, никаких долгов — по крайней мере, таковых мы не нашли. — Талбот умолк, ожидая, когда Питт задаст ему следующий вопрос.

Тот попытался скрыть свое раздражение.

— Тогда зачем этой египтянке стрелять в него, будь то у себя в доме или на улице? Вряд ли он пытался проникнуть в ее дом силой?

Брови Талбота поползли вверх, лоб собрался складками.

— Зачем ему было это делать?

— Откуда мне знать, — резко ответил Питт. — А что делала она посреди ночи в саду? Ведь это полная бессмыслица!

— Позволю себе не согласиться, — с жаром возразил Талбот и, подавшись вперед, уперся локтями в стол. — Он служил в армии в Египте, а точнее, в Александрии, откуда она родом. Кто знает, что творится в головах у тамошних

женщин? Они ведь совсем не как англичанки. К тому же она заметно повысила свое положение. Теперь она любовница министра, члена парламента от Манчестера, где в настоящее время происходят беспорядки на тамошних ткацких фабриках. Зачем ей какой-то бывший солдат, который занимает самую нижнюю ступеньку дипломатической лестницы?

Я бы предположил, что он не желал слышать ее отказ, она же не хотела, чтобы он мешал ее новому роману и расстраивал мистера Райерсона баснями о ее прошлом.

— У вас имеются какие-то доказательства? — спросил Питт. Он был зол и хотел доказать, что Талбот предвзят и неточен. С другой стороны, он не сказал бы, что Талбот ему неприятен. Более того, он по-своему ему сочувствовал.

Да, бедняге не позавидуешь. Ему поручено дело, расследуя которое невозможно одновременно угодить начальству и сохранить хотя бы подобие чести. Как не сможет он сохранить и доверие к себе своих подчиненных, с которыми ему потом еще предстоит работать не один месяц, а может, и год. Но что сделал бы он сам в таких обстоятельствах? Если честно, он не знал. Наверно, он также был бы зол, метался бы в поисках ответов, а его мысли забегали бы вперед фактов.

— Разумеется, никаких! — ответил Талбот. — Но я готов поставить фунт против пенни, что, если только Особая служба или кто-то другой не встрянет и не помешает мне, эти доказательства будут в моих руках через день или два! Это преступление было совершено всего четыре часа назад!

Питт знал, что несправедлив к Талботу.

— А как вы опознали его? — спросил он.

— У него были визитки, — просто ответил Талбот и сел прямо. — Она собиралась избавиться от тела. Она даже не потрудилась выбросить их.

— Это она так сказала?

— Ради бога! — взорвался Талбот. — Ее поймали в саду с тачкой, в которой лежал труп! Что еще она собиралась сделать с ним? Отвезти его к врачу? Но ведь он уже был мертв. Она не стала звать полицию, как наверняка поступила бы, будь она невиновна. Нет, она взяла садовую тачку, взвалила на нее тело и повезла прочь.

— Куда именно? — спросил Питт, пытаясь представить, что творилось в голове у той женщины помимо истерики. Талбот слегка озадаченно посмотрел на него.

— Она не говорит, — ответил он.

Питт вопросительно выгнул брови.

— А мистер Райерсон?

— Я не спрашивал! — огрызнулся Талбот. — И я не хочу знать! Его там не было, когда полиция прибыла туда. Появился спустя несколько минут.

— Что? — не поверил собственным ушам Питт.

Талбот покраснел до корней волос.

— Он появился спустя несколько минут, — повторил он.

— То есть он просто случайно в три утра проезжал мимо, увидел, как констебль светит фонариком на женщину и труп в тачке, и решил зайти узнать, в чем дело, и предложить свою помощь? — Питт вложил в эти слова весь свой сарказм. — Надеюсь, он прибыл в карете и вошел в дом с улицы? Или же он выбежал из дома в ночной рубашке?

— Нет, конечно! — раздраженно воскликнул Талбот. Его худое лицо было пунцовым. — Он был полностью одет и вошел со стороны улицы.

— Где его, вне всякого сомнения, ждала карета? — уточнил Питт.

— Он сказал, что взял извозчика, — ответил Талбот.

— Намереваясь нанести визит даме. А приехав, обнаружил, что она к нему не готова, — съязвил Питт. — И вы ему поверили?

— А что еще мне оставалось? — Талбот впервые повысил голос. Его самообладание уже начинало трещать по